

Суп из свиных костей нужно варить долго, только когда костный мозг полностью растворится в бульоне, а прозрачная вода превращается в молочно-белый навар, такой суп становится по-настоящему вкусным. Но сейчас был обед на скорую руку, и ждать несколько часов времени не было, потому что от идеи долгого томления отказались.

В итоге, когда суп был готов, это всё ещё был прозрачный бульон, на поверхности которого плавали жирные капли. В эпоху нехватки одежды и еды именно эти золотистые масляные пятнышки были самым аппетитным. Цинь Хэ небрежно бросил щепотку нарезанного зелёного лука, добавив и красоту, и вкус. Он налил каждому по чашке, потом длинной деревянной ложкой зачерпнул со дна немного фарша из свинины и поровну распределил в каждую порцию.

Цинь Хэ сказал:

— Далан, сначала выпей суп, согрейся.

Хотя они и находились возле печи, где работали и грелись с момента возвращения, тело всё ещё не успело отойти от уличного холода. Особенно ноги - хоть он и носил меховые сапоги, отданные Куй У, но всё равно замёрз до онемения.

Куй У в быту был неприхотлив. С тех пор как они поженились, он ел всё, что готовил Цинь Хэ, и ни разу не привередничал. Сейчас он просто поднял чашку и выпил её одним глотком.

Цинь Хэ только отпил два глотка, а Куй У уже осушил чашку, будто это была не еда, а вино, и пил он не суп, а крепкий хмельной напиток, как заправский разбойник - залпом, без передышки. Действительно грубовато, по-солдатски. Если бы в теле Цинь Хэ сейчас жил не он, закалённый в суровом мире постапокалипсиса, а кто-нибудь из балованных шуаньэров или барышень из доапокалиптических времён, наверняка уже скривился бы в отвращении. Но сейчас его муж - именно Куй У, и Цинь Хэ не только не чувствовал отторжения, а, наоборот, находил в этом настоящую мужскую силу. Что за мужчина будет жеманиться, когда кругом зомби, ешь, пока есть что!

Пока Цинь Хэ пил свой суп и в голове витали бессмысленные мысли, Куй У уже перенёс всю еду в спальню и аккуратно расставил на низкий столик. Возле столика горел огонь, суп перелили в глиняный сосуд-ли и поставили на огонь подогреться.

— Пойдём в комнату есть, огонь уже разгорелся, — позвал Куй У.

— Иду, — кивнул Цинь Хэ и, бросив взгляд на очаг, где остались только тлеющие угли, подошёл к столу, налил каждому ещё по порции супа.

— Попробуй мясо, я же говорил - свинина ничем не хуже баранины.

— Угу, вкусно, — кивнул Куй У, хотя в душе всё равно предпочитал баранину. У неё вкус ярче, а свинина... слишком простая, плоская. Но жаловаться он не собирался, для него еда всегда была едой, не больше.

Цинь Хэ сам по себе очень даже любил свинину. Баранину ещё можно было есть, если жареная, но если варёная или тушёная, во рту оставался какой-то слабый привкус. Хотя это тоже не так страшно, ведь главное - это мясо. А мясо, как ни крути, всегда в радость.

— Ешь мясо, не налегай только на редьку с капустой, — заметил он, увидев, как Куй У, по привычке, обходит мясо стороной, будто специально оставляя его для него.

— Со мной всё в порядке. Это ты должен есть побольше, глянь на себя - кожа да кости, — хмыкнул Куй У. — К тому же овощи тоже в мясе тушились. На вкус всё одно мясное.

С этими словами он взял только что налитый бульон с мелкими кусочками свинины, вылил его на рис и начал есть. Рис с бульоном, пропитанный ароматом свинины и жирком, выглядел аппетитно.

— Вот, смотри - и мясо есть.

Цинь Хэ тоже налил себе бульона и ел рис, запивая супом. В итоге оба съели по две чашки. У них уже сложился такой распорядок: еду всегда доедал Куй У.

На самом деле Куй У всегда ел быстро, почти не пережёвывая, глотая кусками как на фронте. Но с тех пор, как они поженились, он начал есть медленно. Он боялся, что съест всё раньше, чем Цинь Хэ наестся. А сам он... что ж, за столько лет он и не знал, что такое «наестся досыта».

— Ты точно доел? — уточнил он.

Убедившись, что Цинь Хэ больше не будет, Куй У быстро доел оставшиеся овощи с рисом и опустошил ещё две чашки.

Цинь Хэ посмотрел на него, переживая, что тот всё ещё голоден, и сказал:

— В котелке ещё остался бульон с косточками. Залей рис, тебе хватит ещё на две чашки.

— Не надо. После обеда дел особо нет, столько еды мне ни к чему. К тому же, в час Шэнь (около 15:00-17:00) у нас ещё будет ужин, — Куй У уже поднялся и начал убирать посуду.

— Ужин, скорее всего, будет в самом конце часа Шэнь или даже в начале Ю (17:00-19:00), — предупредил его Цинь Хэ.

— Ничего страшного, — пожал плечами Куй У. — Раз уж не работаем, то и неважно, когда есть. Позже поедим, сразу и спать можно будет лечь, так ночью не проголодаемся.

В те времена, когда не всегда удавалось наесться досыта, никто особенно не задумывался, насколько полезен режим питания. Но Цинь Хэ был другим.

— Нет, так не пойдёт. Сразу после еды ложиться спать вредно для здоровья.

Куй У не стал спорить, просто неопределённо кивнул - то ли согласился, то ли отмахнулся.

— Кстати, тёплая одежда уже готова. Примерь, посмотри, подошло ли. И сапоги тоже, — напомнил он.

Цинь Хэ действительно был рад обновке. В прошлом, в мире после апокалипсиса, его зарплаты едва хватало на то, чтобы выжить, а одежду он покупал самую дешёвую, лишь бы не прохудилась. На качество ткани он вообще не обращал внимания. Но здесь, в эпохе Юнци, Куй У не просто сшил ему новую одежду - ткань была добротной, тёплой. И Цинь Хэ от этого искренне радовался.

Услышав слова Куй У, он сразу же переоделся. Хоть в доме и не было зеркала, в котором можно увидеть себя в полный рост, он всё равно взял медное зеркальце и начал рассматривать себя, поворачиваясь, насколько позволяло пространство. Глаза у него сияли от восторга, видно было, как дорога ему эта вещь. Когда Куй У, вымыв посуду, зашёл в комнату и увидел эту сцену, его лицо тоже невольно расплылось в довольной улыбке.

— Далан, — с сияющими глазами сказал Цинь Хэ, не отрывая взгляда от своей одежды, — очень впору. Я правда очень доволен. Я обязательно заработаю побольше и сошью тебе тоже такой костюм.

— Не надо, — отмахнулся Куй У. — Вот отпразднуем Новый год, весной я тебе ещё один закажу потоньше. А мне и старой хватит, я ведь мужчина, мне всё равно что носить.

- Так нельзя, — сказал Цинь Хэ, наконец налюбовавшись на новую одежду. Он аккуратно сложил её, словно сокровище, боясь испачкать, и бережно убрал в сундук.

Куй У спокойно добавил:

— Ты ведь знаешь, где лежат деньги. Если понадобится, сам возьми, не надо у меня спрашивать. А если у тебя есть место получше, можешь туда спрятать. Мне даже говорить не нужно. Только смотри, не забудь, куда положил, а то как приспичит - не найдёшь.

Цинь Хэ понимал, что Куй У это сказал, увидев, как тот сегодня дорожил каждой монеткой, и потому был тронут его доверием.

— Понял, далан. Там, где лежат сейчас, вполне удобно, менять не нужно.

Он немного походил по комнате - почувствовал, что объелся, стало тяжеловато. Тогда и подумал: «А почему бы не сварить конфеты на завтра прямо сейчас? Всё равно вставать рано не хочется, а в такую погоду конфеты не растают и спокойно сохранятся.

— Далан, — позвал он, — растопи мне печь, а я пока сварю конфеты на завтра, чтоб с утра не суетиться.

- Хорошо, — ответил Куй У без лишних слов. Что бы Цинь Хэ ни попросил, он делал, не задавая вопросов, не отнекиваясь, не размышляя вслух.

Цинь Хэ закончил готовить конфеты как раз к ужину. Поскольку после этой трапезы они сразу ложились спать, он сварил овощи в оставшемся бульоне из свиных костей, оставив немного на завтрак. У крестьян вечером развлечений не было, так что поужинали - и всё. Оба посидели немного друг напротив друга под тусклым светом масляной лампы, а когда настало время часа Сюй (примерно 19:00-21:00), легли спать. Хотя спать поначалу и не стали: вся нерастроченная за день сила Куй У теперь выплеснулась на Цинь Хэ.

Цинь Хэ был измотан так, что в конце концов его глаза закатились, и он даже не помнил, в какой момент всё закончилось. В итоге на следующее утро, когда четверо братьев пришли, чтобы забрать конфеты, Цинь Хэ всё ещё спал, уткнувшись в подушку.

Куй У же проснулся, как обычно, в час Мао (примерно 5:00-7:00), но вставать не стал. Раньше, когда у него не было супруга, он просыпался и сразу поднимался. А теперь нет. Хоть он и просыпался в то же время, но предпочитал лежать, ничего не делая, лишь бы не вылезать из постели, потому что рядом был тёплый, мягкий фулан, обнимающий его во сне.

Куй У подумал: «Наверное, это и есть то, что ученые называют "тёплый нефрит в объятиях". Теперь он понимал, почему в книгах говорится, что три главных радости в жизни - это сдать экзамены, жениться и провести ночь в брачном покое.

Жаль, но момент наслаждения Куй У был быстро нарушен. Четверо братьев пришли вовремя и постучали в дверь. Куй У с мрачным лицом оделся, вышел на кухню, отмерил четыре порции конфет, которые Цинь Хэ приготовил накануне, и, взяв их, вышел из дома.

— Делите сами, — недовольно буркнул он, сунув каждому в руки по порции, и, скрестив руки на груди, встал в стороне, дожидаясь, когда они уйдут.

— Старший брат, что с тобой? Чего это ты с утра с таким лицом? — спросил Чу Дачжуан. Будучи самым младшим в их компании, он не особенно боялся Куй У, несмотря на его репутацию мрачного и грозного человека. Во многом потому, что Куй У всегда больше остальных заботился именно о нём.

Цзян Чжэндун, который женат уже три года и успел завести двух детей, подмигнул и с хихиканьем сказал:

— Ты, малый, ничего не понимаешь. Наш старший брат просто... не добрал своего сегодня.

— Чушь! — наконец-то Куй У удостоил их ответом. — Я как раз полностью удовлетворён!

— Хе-хе-хе...

— Далан, это Дачжуан с ребятами пришли? — раздался голос Цинь Хэ из дома. Он имён остальных до сих пор не запомнил, но имя Чу Дачжуана запомнил с первого раза, уж слишком оно было примечательное.

— Невестка, — дружно поздоровались четверо, но, вспомнив свои недавние вольные шуточки, все эти здоровые парни тут же густо покраснели, бросили медные монеты и в панике разбежались кто куда.

Когда Цинь Хэ вышел, он увидел только их стремительно убегающие спины. Лишь Чу Дачжуан, самый младший, не успел скрыться - его кто-то из товарищей толкнул, и он остался стоять у двери, покрасневшийся до корней волос.

— Что это с ними? — удивлённо спросил Цинь Хэ.

Изначально Куй У не видел ничего странного в сказанном, но, заметив, как все друзья в панике ретировались, начал догадываться, что, возможно, сморозил что-то не то. Впервые он не стал говорить правду, хотя обычно не видел в ней ничего постыдного, и ответил:

— А, они просто поспешили продавать конфеты.

Цинь Хэ кивнул, все, мол, молодцы, целеустремлённые.

Чу Дачжуан прокашлялся, помялся, но потом вдруг вспомнил:

— Невестка, я вчера услышал одну хорошую новость: тот ученый из семьи Ли разорвал помолвку с вашей второй сестрой.

Чу Дачжуан заметил, что когда он сказал слова «ваша вторая сестра», у Цинь Хэ слегка нахмурились брови, и он тут же поспешил изменить обращение:

— Изначально Цинь Пин и семья Цинь были против, но семья Ли привела в оправдание ту историю, что разнеслась по городу - мол, Цинь Пин тогда якобы присвоила деньги,

предназначенные вам на спасение. Тот учёный Ли, ну и подлец же! Баоцзы он сам съел, а теперь всё свалил на Цинь Пин, да ещё и выставил себя таким благородным, мол, всё это от высоких моральных принципов. В итоге расторг помолвку и остался чистеньким и беленьким.

Не успел Цинь Хэ ответить, как Куй У уже холодно фыркнул:

— Маленькое белое личико*, никакой ответственности.

(ПП: жиголо, содержанец)

Цинь Хэ, настроение у которого до этого было не слишком весёлым, услышав эти явно ревниво-саркастичные слова, сразу развеселился. Ну и ну, такой большой, сплошные мускулы, а ума совсем нет.

— Семья Ли - они такие, выгоду нюхом чувят, да и семья Цинь далеко от них не ушла. Жаль, конечно, что они не поженились, — сказал Цинь Хэ.

- Чего это жаль? — мрачно спросил Куй У.

- Жаль, что теперь они не смогут друг другу жизнь испортить, — с усмешкой глядя на Куй У, ответил Цинь Хэ. — Дачжуан, ступай, продавай конфеты. А мы с Куй У тоже пойдём позавтракаем.

На завтрак Цинь Хэ сварил жидкую мучную кашу на оставшемся костном бульоне, такая похлёбка получилась особенно вкусной. Только проснувшись, они вдвоём съели целый большой таз. Ку У и Цинь Хэ даже взяли по кости и высосали из них весь костный мозг дочиста.

После завтрака они снова отправились на улицу Бэйцзяо. Как обычно, сначала зашли к Ху-чжангую, поздоровались и оставили горстку конфет.

Но сегодня Ху-чжангуй вдруг задержал их:

— Куй-фулан, у тебя и правда золотые руки. Вчера я пробовал те твои мягкие конфеты - они отличные! И твёрдые хороши, даже у кого зубов нет, как у моей старой матушки, положит такую в рот, и она сама потихоньку растает. Причём вкус не уходит, остаётся насыщенным до конца.

- Куй-фулан, отсыпь мне цзинь. Как положено по цене, так и считай. Ни в коем случае не делай скидку из-за наших с тобой отношений, а то это будет значить, что ты меня за друга не признаёшь, — сказал Ху-чжангуй.

Цинь Хэ не знал точно, какие отношения связывают Куй У с управляющим Ху, поэтому не стал

сразу отвечать, а поднял глаза и посмотрел на Куй У.

Куй У сказал:

— В таком случае благодарю Ху-чжангуя за поддержку. — и уже начал взвешивать конфеты.

Цинь Хэ примерно понял, каковы между ними отношения, и с улыбкой добавил:

— У нас мелкая торговля, сильно скинуть не могу. Но на одну монету меньше - это от меня маленький знак уважения, не взыщите.

Ху-чжангуй, конечно, не стал возражать. Он понимал, что на такой мелкой торговле прибыль буквально одна-две монеты с цзиня. Даже если дело пойдёт бойко, к концу года удастся заработать не больше сотни монет. Если бы он взял конфеты даром, то для них сегодняшний день, да и, возможно, завтрашний, оказался бы зря потраченным. Он хоть и не был каким-то особенно добрым человеком, но и наживаться на чужом труде не по совести тоже не собирался.

Однако раз уж Цинь Хэ сказал, что скинет одну монету, то Ху-чжангуй действительно заплатил на одну монету меньше. Он понимал: это часть торговли, способ привлечения клиентов.

Когда они вышли из лавки, сердце Цинь Хэ стало куда легче. Он ведь переживал, что четыре цзиня конфет не продаст. А тут только пришли, и уже цзинь забрал Ху-чжангуй. Это дало Цинь Хэ уверенность: его конфеты действительно вкусные. Иначе бы Ху-чжангуй, попробовав разок, не стал вспоминать о родне.

— Ай! Ну где ты пропадаешь! — вдруг раздался звонкий голос.

Цинь Хэ ещё даже как следует не встал на место, как услышал эти слова. Обернувшись, он увидел вчерашнюю «скупщицу» - ту самую бойкую Люван-няньцзы.

Увидев её, Цинь Хэ заулыбался, будто сам Будда Майтрейя.

— Люван-няньцзы, вы уже здесь!

Люван топнула ножкой от холода и недовольно надулась:

— А ты как думал? Если бы не Ху-чжангуй, который сказал, что ты точно придёшь, я бы давно ушла. Я тебя уже полчаса жду!

Глядя на лишь слегка покрасневший кончик носа Люван-няньцзы, Цинь Хэ сразу понял, что

она, конечно, приврала. Полчаса точно не стояла. Но спорить с клиентом себе дороже, особенно с таким важным. Он тут же с вежливой улыбкой извинился:

— Простите, нянцзы, правда, перед выходом из дома возникло небольшое дело. В следующий раз, если вы придёте, а меня не окажется, просто скажите об этом Ху-чжангую, и я сразу принесу вам конфеты сам.

Такой крупный клиент - это не шутки. Даже Ху-чжангуй, сам уважаемый лавочник, выказывает ей уважение.

Удовлетворённая таким «пониманием правил игры», Люван кивнула:

— Ладно, зима, холод собачий, не буду с тобой тянуть. Сколько у тебя есть, всё беру.

— Всего три цзиня. Но я вчера пообещал двум покупательницам отложить четыре ляна - вы же тогда были рядом. Так что останется два цзиня и шесть лян.

Люван-нянцзы недовольно фыркнула:

— Надо же, какой честный.

Цинь Хэ рассмеялся:

— Мы, торговцы, и живём на этой честности.

Люван не стала упорствовать и забрала всё, что оставалось. А Цинь Хэ, в свою очередь, вернул ей семь взней «отката», как и полагается, без слов.

<http://bllate.org/book/13598/1205831>